

НОННА ГОЛИКОВА

ЛЮБОВЬ ОРЛОВА

*Золото
Маями*

*Три жизни
Любовь Орлову
обожали,
боготворили,
носили пригласки,
подражая ей*

После фильма «Цирк» Орлова и Александров стали самой «модной» парой

В картине «Весна» актриса сыграла вместе с Р. Зеленой и Ф. Раневской

Орлова была ведущей актрисой Театра им. Моссовета

Годы счастья

Нонна Юрьевна Голикова Любовь Орлова: Годы счастья Серия «Зеркало памяти»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55433564

Любовь Орлова : Годы счастья / Нонна Голикова; послесловие М.Ю.

Куницына: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-121549-1

Аннотация

«Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Светлый путь», «Весна» – эти фильмы, увиденные однажды, не забудутся никогда. Их главной героине, Любови Орловой, они обеспечили «пропуск в вечность». Но воплотился в них не только блистательный талант актрисы, но и талант ее супруга – выдающегося режиссера мирового кинематографа Григория Александрова. Вместе они прошли долгий, яркий путь длиной в сорок два года счастья.

Книга написана человеком, близко знавшим Любовь Орлову, – ее внучатой племянницей, известным театроведом и драматургом Нонной Голиковой. Перед читателем проходят детские и юношеские годы актрисы, ее учеба в консерватории, начало театральной карьеры и наконец встреча с Г. Александровым, изменившая не только ее жизнь, но и внешний облик. И дальше повествование идет уже о сложившемся творческом союзе,

благодаря которому появились фильмы, вошедшие в золотой фонд искусства кино. Автор рассказывает также и о встречах с Л. Утесовым, Ф. Раневской, Р. Зеленой, И. Дунаевским и многими другими. Особое место в книге занимают театральные роли Орловой, которые стали настоящим культурным явлением русского театра.

Содержание

А кошка все-таки была!

6

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Нонна Голикова Любовь Орлова: Годы счастья

За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной Любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык! За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!

М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»

А кошка все-таки была!

«Мое творчество знают все, моя личная жизнь не касается никого», – часто говорила Любовь Петровна и всегда отказывалась от интервью и всех попыток журналистов говорить с ней и о ней.

Эта точка зрения и мне всегда казалась единственно возможной. Но шли годы, и давно уже нет моих бабушек. Любовь Петровна Орлова – родная сестра моей бабушки (со стороны матери) Нонны Петровны.

В последние годы я все чаще с изумлением читаю о Любви Орловой досужие вымыслы и ложь. И не только о ней, но и об этой блистательной паре – Орлова и Александров. Их отношения еще при жизни стали настоящей легендой о любви. Но известно, что люди не прощают тех, кто звездно и с блеском отрывается от привычного уровня, не прощают непохожести и неповторимой яркости. Более же всего посредственность не прощает чужой счастливой любви – этого редчайшего и драгоценнейшего дара судьбы.

Те, кто помнит Орлову и Александрова, знают, что главным содержанием жизни для них была любовь друг к другу. Они просто не могли не вызывать не только восхищение, но и зависть, и раздражение. Орлова и Александров – само созвучие этих имен воспринималось как нечто единое и неразделимое, как некий символ любви. Она почти ни у кого

не снималась, кроме него – своего обожаемого и любимого режиссера. У него никогда не было другой героини, ничье больше лицо не сияло с экрана в его кинолентах. Они прожили вместе 42 года, и это были, по его словам, 42 года счастья.

Она, чтобы увидеть его перед своим уходом, исключительной силой воли отодвигала самую смерть и позволила себе потерять сознание лишь после того, как он вошел в ее палату в последний раз...

«Не окажись он [Александров] рядом с Любой, еще неизвестно, как бы сложилась ее творческая судьба. Однажды на даче у них заговорили об этом. Люба положила руку на руку мужа и сказала: “Спасибо вам, Гриша (они всегда были на “вы”), за всю мою жизнь”. И вдруг Александров смутился: “Да что вы? – Он поцеловал ее руку. – Это я должен благодарить вас за всю мою жизнь и нашу жизнь”. Я не выдержала и заплакала от радости, что так близко и так явственно вижу счастье двух талантов, созданных друг для друга. Очень, очень редко так бывает. Ну с кем еще случилось такое? Кому еще выпало подобное?» – писала в своем дневнике Фаина Раневская.

«Они никогда не были мужем и женой, а только партнерами по работе... Она находила утешение в работе, в зарубежных поездках» (?!?!), – пишет вдруг недавно не помню кто и в каком журнале. И еще лучше: «Внутри них сидело одно огромное чувство страха... Мужчину и женщину му-

чил страх остаться в безвестности, в бедности... Мужчина и женщина договорились». Этот перл принадлежит некоему (или некой) Нимко. Перл этот даже не знаю как комментировать.

Вспоминая своих бабушек, я понимаю, что ответом на подобный нонсенс может быть только брезгливое молчание. Но домыслы тех, кто никогда не только не знал их, но даже не видел, рождают новые небылицы, и нет им конца... Бедные, с убогой душой люди, они не в состоянии даже представить себе благородной нормы человеческих отношений. И дело не только в этой уникальной паре Орлова – Александров.

Дело в том, что безвозвратно уходят память и представление о целой человеческой породе, которая стала феноменом в истории мировой нравственной культуры и которая называется русской интеллигенцией.

Лица, ясные в своем доброжелательном осмыслении жизни, с выражением собственного достоинства, теперь представляются уже чем-то невозможным. А если и замаячит что-то, забрезжит светло и обнадеживающе – стоп! Этого не было! И тянет, и тащит мрак забвения в гиблое болото своего уровня – того, кто не переносит ничьего и никакого достоинства и превосходства.

Боюсь, что скоро и под пыткой никто не вспомнит, как, собственно, должен выглядеть нормальный человек. Ведь даже ни в чем не повинные «чеховские интеллигенты», волею современных режиссеров, уже давно сами на себя не по-

хожи. Нина Заречная в одном из спектаклей свой прекрасный финальный монолог произносит пьяной и оборванной. Бедная, беззащитная перед возрастом и ужасом «бега времени» Аркадина в другом спектакле прямо на глазах у изумленного зрителя чуть ли не насилует Тригорина. А в одном новейшем «Вишневом саде» персонажи все время расположены просто спиной к зрителю. Не иначе как для того, чтобы кто-нибудь не разглядел в них что-нибудь хорошее.

Нет, очень кому-то не хочется, чтобы оставалась в природе эта странная, прекрасная и все более редкая порода человеческая со всеми лучшими чувствами и мыслями, присущими этим людям. Еще немного вранья, и в самом деле невозможно будет восстановить начальный облик русского интеллигента, причем вранья порой совсем мелкого, вроде бы и не имеющего значения. Но вот одна мелочь, другая, десятая, и темный ил забвения и лжи затянет черты, погасит свет живой жизни, и она станет неузнаваема. И это мелкое вранье бывает столь наглым, что даже не считает нужным позаботиться хотя бы о минимальной аргументированности и достоверности.

«МК-бульвар» опубликовал большую и пеструю подборку коротких воспоминаний об Орловой и Александрове. «Она даже дома была всегда на высоких каблуках!» – безапелляционно восклицает кто-то, не удосужившись проверить, что на следующей же странице помещена фотография Орловой и Александрова в домашней обстановке, где Орлова как раз

в домашних тапочках. Вернее – в мягких домашних башмачках и совершенно без каблуков. Разумеется, мелочь и пустяк. Но, повторяю, мелкая ложь как снежный ком, обрастая вымышленными и почему-то злыми подробностями, отодвигает в уже недосыгаемую даль черты реальности. Интересно, что те (теперь уже немногие), кто лично знал этих людей, хранят память о них как нечто ценное, считая, что сила этих впечатлений обогатила и украсила их жизнь.

Все гадости изобретают почему-то только те, кто не только их не знал, но даже никогда не видел.

И что за страсть порочить то, на что ты сам не похож и похожим никогда не будешь! Люди в очках и шляпах, «интеллигенты», люди редкой породы всегда вызывали раздражение у большинства. Кстати, в фильме «Весна» Любовь Орлова появится и в шляпе, и в очках, а уж Григорий Васильевич с его безупречной импозантностью никогда и нигде не расставался с этими атрибутами социальной «прослойки», к которой он принадлежал.

И опять – вроде бы мелочь: «Орлова и Александров держали цепных псов». Я хорошо помню двух немецких овчарок, которые жили в их доме. Сначала – царственная, с благородной сединой чернобурки Кармен. Это был щенок с псарни Геринга, подаренный Любови Петровне и Григорию Васильевичу вскоре после войны. Никогда не забуду, как во время течки несчастную собаку обряжали в те знаменитые голубые дамские панталоны с резинками советского

периода, которые затем были осмеяны столь же бестактным, сколь и великим Ивом Монтаном. В этих панталонах делалась дырка для хвоста, и оконфуженная собака растерянно металась вдоль забора.

Мы нередко гуляли втроем – Любочка, Кармен и я. Это было во Внукове, наша дачка была рядом. Недалеко от поселка находился детский дом. Разместился он в бывшем имении крупного русского фабриканта-кондитера, особенно знаменитого мармеладом, – Абрикосова. Тогда еще повсюду видны были приметы исчезающего поместья: запущенные аллеи, пруд с беседкой – классической ротондой с шестью колоннами, старые флигели усадьбы. Теперь уже нет ни аллей, ни беседки...

Как-то мы слишком близко подошли к детскому дому, и выбежавшие навстречу ребятишки узнали великую актрису и окружили нас широким кольцом. Любочка терпеливо демонстрировала юным зрителям все, на что была способна ее красивая собака. Кармен добросовестно и лапу давала, и лаяла по команде хозяйки «голос!». Дети были в восторге, а мы отправились дальше. После Кармен в доме появилась ее дочь Кора. Это была очень изящная собака с большими светлыми подпалинами. Обе собаки жили в доме, были добрейшими существами и про цепь, слава богу, ничего не знали. Я представляю ужас Любы, если бы ей сказали, что Кармен или Кору, которые всегда спали в ее комнате, надо посадить на цепь!

Кто-то написал, что Орлова в последние годы разговаривала с журналистами через специальную шторку, чтобы не было видно, как она состарилась. Да она вообще с ними не разговаривала! А когда зашла речь о том, что о ней и Александрове будут снимать документальный фильм, она категорически отказалась принимать в нем участие. Фильм снимали без нее. Даже Григорий Васильевич не смог ее уговорить.

Кто-то уверял, что Александров сделал символ дома в виде сердца и повесил его в доме. Ничего похожего. Просто форма сердца, так остроумно и изящно возникшая на невымытом оконном стекле в фильме «Веселые ребята», стала повторяющимся элементом всего интерьера в их доме.

Мы еще пройдем с вами по этому единственному в своем роде дому, и вы все поймете. Тоже мелочь, но какой смысл говорить и писать то, чего не было. Михаил Булгаков, как известно, начинал как врач, получив соответствующее образование. Известно также, что врачи дают клятву Гиппократата. В своем «Театральном романе» Булгаков говорит, что клятва эта очень подошла бы и для писателей. Оказывается, Гиппократ советовал врачам при описании симптомов болезни и составлении диагноза: «Что видишь, то и пиши, а что не видишь, того писать не надо». Горе-биографам Орловой и Александрова этот завет совсем не помешал бы. Почему-то с особой яростью они напирают именно на то, что вот как раз любви-то там и не было!

Меня крайне озадачило, что в одном журнале, куда я

предложила написать свои воспоминания об Орловой, мне поставили категорическое условие: обязательно писать о ее любовниках и вообще – никаких восторгов! «А если их не было – любовников?» – «Ну хоть что-то: может, она жадная была? Или он – голубой?» – с надеждой добивалась редактор. Боже, как я их разочаровала! Дело в том, что в «лихие девяностые» топталось и вытаптывалось все, что составляло русскую славу. Шло уничтожение великой страны, переделывали ее историю, в том числе и историю русской культуры. Мировое сообщество шло в наступление широким фронтом, России отказывалось в праве на какие-либо достижения и победы и в прошлом, и в настоящем. Любовь Орлова была самым ярким символом своей страны и своего народа, поэтому ей доставалось больше всех. Она и ее ближайшее окружение принадлежали к той редкой человеческой породе, которая стала феноменом в истории мировой нравственной культуры, – русской интеллигенции. А именно интеллигенция и попадала всегда под удары во всех изломах и поворотах истории.

О знаменитых парах всегда ходили сплетни, им злорадно приписывали несуществующие «побочные» связи. Не было пары более знаменитой, чем Орлова и Александров. И они были единственными, о ком даже тени слухов подобного рода не возникало. Это при их жизни. Теперь, когда они не могут ничем ответить, как легко и какое удовольствие для недобросовестных журналистов шельмовать направо и нале-

во то, чего никогда не было и не будет с ними самими. Безнаказанность – это так приятно!

Я никого не собираюсь защищать. Наши герои в этом не нуждаются. Может быть, нуждаются те, кому грязь не в удовольствие и кому ложь мешает в желании не щуриться перед блеском жизни.

Алексей Щеглов в воспоминаниях о своей матери Ирине Сергеевне Анисимовой-Вульф (режиссер и близкий друг Любови Петровны и Григория Васильевича) пишет, опираясь на свидетельство очевидцев, как в ее, Ирины Сергеевны, детстве к ним пришли как-то гости с детьми. «И вот на крыльце появилась шестилетняя девочка (Ирина) – ангел, посланец из другого мира, в кружевах и бантах, в белых чулочках и белых кудряшках. А в ее руках была дивная фарфоровая куколка... Девочка была не только красивая, но и доброжелательная, – протянула детям свою куколку в знак доверия и расположения». Но пришедший в гости мальчик «тут же схватил эту куколку и оторвал ей голову». Что ж, вполне классическая ситуация. И очень знакомая. Отрывать голову всему красивому – довольно массовое развлечение...

Рецидивы нападений на наших великих продолжают и по сей день, и по-прежнему достается Любови Орловой, о которой всё сочиняют и сочиняют нелепости и абсурды. Но любовь людей к этой ослепительной женщине столь велика, что после очередной мутной публикации у меня дома раздастся шквал телефонных звонков с возмущением глупостью

и невежеством наших СМИ.

Однажды ко мне пришла Алла Олеговна Филиппова – внучка педагога Любви Петровны по вокалу Клавдии Андреевны Кандауровой, которая занималась со многими выдающимися певицами Большого театра. Орлова училась у нее в 1950–1960-е годы. Будучи уже признанной кинозвездой, она продолжала систематически работать над голосом. Алла Олеговна была совсем девочкой, когда в коммунальной квартире ее бабушки в доме на Театральной площади – этого дома уже нет – появлялась всемирно известная Любовь Орлова. Алла Олеговна принесла целую пачку телеграмм и писем Любви Петровны к своему педагогу, которую она высоко ценила. Этот дар бесценен, так как автографов Орловой, ее писем почти не сохранилось. Все без исключения телеграммы подписывались одинаково – «Благодарная Любовь Орлова». И нельзя не привести здесь некоторые тексты – пожелтевшие страницы сохранили отблеск удивительно светлого душевного мира и отношений, освещенных теплом, доброжелательностью и доверительностью. Эти письма к тому же дают яркое представление о характере и быте актрисы-труженицы. Вот они, эти страницы:

«Моя дорогая, любимая Клавдия Андреевна!

Прошло более десяти дней, как Вы уехали, а мне кажется, что прошли уже месяцы разлуки с Вами!

За это время я опять снималась и очень уставала. В пави-

льоне безумная жара и духота, как всегда. Ночевать ездила во Внуково, как всегда. По приезде кормила на ночь “детей”, которые с каждым днем делаются все очаровательнее. Уже определились характеры. Девочку, очень похожую на Карменулю (помните опус о цепных псах Орловой? – *Н. Г.*), я отдала Олегу. Он звонил мне в тот день, как мы договорились, а я забыла об этом и послала Вам телеграмму. Олег Яковлевич был очень нежен с Девочкой, и мне это было бесконечно приятно. Я сразу увидела, что он любит животных. Все уже, за исключением двух, нашли своих хозяев. Некоторые, приходившие из Осовиахима, мне не нравились, и я им отказывала, говоря, что всех раздала. Потом звонила в Осовиахим и просила, чтобы они присылали мне симпатичных людей. Они так и сделали.

Старалась каждый день распеваться потихоньку, помня ваши заветы, поэтому вижу Вас каждый день. Вижу Ваше милое, доброе, всегда приветливое лицо, Ваш прелестный голос и стараюсь всем сознанием не повредить достигнутому. Говорю себе Вашими словами – “Что вы, неужели?”, не напрягаю рот, и мне кажется, что правильно... Ираида Алексеевна (троюродная сестра Григория Васильевича. – *Н. Г.*) из соседней комнаты мне кричит: – “Вы со мной говорите, Любочка?” Я говорю – “Нет, сама с собой”. Ее это удивляет, конечно. Она уже привыкла к некоторым моим “странностям”, на ее взгляд!

Пишу Вам из кремлевки, где лежу уже три дня и проле-

жу целую неделю. Вчера сделали переливание крови и, вероятно, будут делать еще раз. Кровь плохая, и ее надо подкрепить. Лежу одна, в чудесной комнате и отдыхаю. Только сейчас поняла, как я устала! Очень!

Дорогому, славному Якову Ивановичу самые сердечные приветы, Вас же, мою дорогую, крепко, нежно целую! Поправляйтесь, отдыхайте от всех нас. Набирайтесь сил, чтобы учить нас, бестолковых.

Ваша Любовь Орлова.

О дальнейших планах ничего еще не знаю. Черкните мне, буду благодарна за весточку.

6. VIII-52».

Да, это не теперешние sms! Очень не хочется покидать этот мир отношений и открытых друг другу сердец, и я приведу еще два письма Любочки Клавдии Андреевне.

«Минск 12-1-53

Дорогая Клавдия Андреевна!

Запись на радио произвела на меня огромное впечатление! Я не думала, что у меня такие успехи! И все Вы, моя дорогая, Ваше терпение! Ваша настойчивость! Ваше умение замечательного педагога преподать свой метод оболтусам вроде меня! Я счастлива, что Вы мной довольны!

Я вижу Ваше милое лицо с горящими глазами, и вся Вы – внимание, и вся Вы – со мной! Одно целое! И педагог, и друг!

Еще раз примите мою благодарность, мое уважение и мое преклонение перед Вашим трудом!

Концерты проходят с огромным успехом! “Дую” вовсю! Окрыленная успехом, “продуваю” воздух во всю длину!

Закатываюсь таким ха! ха! что соседи, живущие в гостинице, вероятно, думают, что рядом живет несчастная ненормальная. Они не знают, что эта несчастная – очень счастливая, что она обнимает и крепко целует свою любимую Клавдию Андреевну и шлет свои сердечные приветы славному Якову Ивановичу!

Ваша Любовь Орлова».

«Гостиница “Астория” 11–XII–56.

Моя дорогая Клавдия Андреевна!

Хочу поделиться с Вами радостью огромного успеха “Лиззи Мак-Кей”. Выхожу на поклонны по окончании спектакля по 23–25 раз кланяться и можно еще и еще, но рабочие сцены устают крутить вручную, поэтому я их жалею и велю тушить рампу.

Теперь пою вначале “Голубку” в моей комнате на испанском языке. Пою, убирая пылесосом комнату, говорят, хорошо получается. Каждый день распеваюсь утром, как перед концертом. И молчу целый день перед спектаклем. Играю через день в домах культуры. Несмотря на огромные помещения, говорят, что голос здорово звучит, да я и сама это чувствую. Погода ужасная, не выхожу на улицу, боюсь про-

студиться.

Дорогая, любимая, неповторимая, Вам, Вам и Вам я обязана своим успехом! Вы, Вы научили меня не только петь и говорить на дыхании. Наши актеры и дирекция удивляются, что я переехала в номер, где инструмент, и приплачиваю свои деньги, т. к. не могу без инструмента, а большинство и понятия не имеют о необходимости распеваться.

Видела Вас во сне очень хорошо. Мы с Вами слушаем собаку, которая поет человеческим голосом. Было ужасно смешно! А я думала: “Вот ведь какая Андреевна, даже собаку научила петь!”

Это потому, что думаю о Вас, благодарю всем сердцем и очень, очень люблю! Целую Вас крепко, крепко, привет Якову Ивановичу. 20 последний спектакль, 21 отдыхаю, 22, 23, 24 пою концерты. Буду в Москве 25-го.

Ваша Любовь Орлова».

Да, как говорится, комментарии излишни...

А еще писали, что Орлова и Александров никого не впускали в свой дом и что в нем никто никогда не жил, кроме них, что это был «мертвый дом».

Они действительно жили очень замкнуто, они были самодостаточны в своей любви друг к другу, им друг друга хватало, и тратить время и силы просто так, просто на гостей и разговоры им казалось непростительным расточительством. Но тем не менее они были нормальными людьми со своим –

очень узким – кругом друзей и близких.

Постоянно во Внукове с ними жила старшая троюродная сестра Григория Васильевича Ираида Алексеевна Бирюкова, которую он шутливо называл «Бирючиха». Вследствие неизвестной мне ситуации Григорий Васильевич считал себя глубоко обязанным сестре и в ее старости и одиночестве представил ей «и стол, и дом». Я прекрасно ее помню в неизменной вязаной полосатой шапочке на коротко стриженных седых волосах. Она страшно гордилась своей прошлой революционной деятельностью и личным знакомством с Крупской, о чем постоянно рассказывала мне, совсем еще девочке. Эти рассказы вызывали молчаливую иронию – поднятая бровь у Любы и снисходительно-благодарные улыбки Гриши.

Теперь, вспоминая их всех, я догадываюсь, что Ираида Алексеевна и Любовь Петровна были, скорее всего, обоюдным источником некоторого раздражения друг для друга. Но только догадываюсь, настолько эти люди в любых ситуациях были безупречны в своих внешних проявлениях. Я по-своему была привязана к Ираиде Алексеевне и с печалью узнала о ее кончине. Это было года за два до ухода Любви Петровны.

В этом доме постоянно бывали и мой брат, и мама с папой, и бабушка. Мы с братом и мамой частенько жили здесь, обычно в зимние каникулы – школьные, затем студенческие.

Одно лето во внуковском доме жила семья Ирины Серге-

евны Анисимовой-Вульф: она сама, ее матушка Павла Леонтьевна Вульф и шестилетний сын Алеша Щеглов. Как режиссер Ирина Сергеевна работала с Григорием Васильевичем в фильмах «Весна» и «Встреча на Эльбе». В Театре имени Моссовета она ставила спектакли «Нора» и «Лиззи МакКей» с Любовью Петровной в главных ролях. Их всех своей семьей считала Фаина Раневская. В свое время именно Павла Леонтьевна, тогда звезда русской провинциальной сцены, разглядела в нелепой рыжеволосой девочке-подростке необыкновенные способности, взяла ее в свой дом, воспитывала и как человека, и как актрису. Это произошло в пореволюционном Таганроге. Этих людей можно было считать близкими друзьями Любови Петровны и Григория Васильевича. А мальчик Алеша на всю жизнь сохранил воспоминания о лете, проведенном в доме Орловой и Александрова. «Запомни, – сказала ему Ирина Сергеевна, – все, что ты здесь видишь, – самого высокого вкуса».

Сразу после войны целую зиму жил мой семилетний брат Вася в квартире Любови Петровны и Григория Васильевича в Москве на улице Немировича-Данченко. Всегда жила с ними мать Любови Петровны, моя прабабушка Евгения Николаевна. Зимой – на Немировича-Данченко, летом – во Внукове у старшей дочери Нонны Петровны, моей бабушки.

Говорят, говорят... Ю. Сааков в своей книге «Любовь Орлова. 100 былей и небылиц» взялся распутать бесчисленные домыслы вокруг великой кинозвезды. Но и сам порой запу-

тывается в этих небылицах. Например, в истории эвакуационной паники в Баку во время войны, которую сумели остановить именем Орловой. Во-первых, это было именно в Баку, а не в каком-либо другом городе. Историю эту я слышала от Григория Васильевича, который мне рассказал, как в тяжелейшие дни эвакуации, наступления немцев, когда охваченные страхом люди брали штурмом поезда, опрокидывали вагоны, кому-то из городских властей пришла счастливая мысль: город обклеили афишами с якобы предстоящим концертом Любви Орловой. На самом деле концерт и не предполагался. Но, так или иначе, паника на какое-то время была приостановлена. Если Орлова выступает, то все не так страшно...

Влияние ее имени было поистине магическим, и я помню, с какой гордостью говорил об этом «ее Гриша». Мне не забыть его рассказов. Он был рассказчик потрясающий, единственный в своем роде. Обволакивающий и проникающий, мягкий, красивый, какой-то ласковый и сразу забирающий внимание голос, артистизм, юмор, точность в акцентах рассказа. Она же, как правило, молча слушала, никогда не перебивая, как бы априори принимая все, что исходит от него. А ему всегда было что рассказать: «Чарли Чаплин... Моя подруга Марлен Дитрих... Когда я танцевал с Лилей Брик... В Ватикане нас принимал папа...»

Я слушала раскрыв рот. Но главным содержанием всех его рассказов, основным стержнем, вокруг которого вращался

не очередной сюжет, а весь мир и вся жизнь, – была она. Он говорил о ней – в ее присутствии, в ее отсутствие – с неизменной улыбкой восхищения, как бы приглашая собеседника это восхищение разделить.

Помню, как однажды Любочка перебила его: «Гришенька, помолчите, пожалуйста, а то Маша (это мое домашнее имя. – *Н. Г.*) останется голодной».

Слушая красивого Григория Васильевича, я забывала есть.

Это, как правило, были застольные беседы во Внукове. Какое легкомыслие! Я ничего не записывала! В определенном возрасте кажется, что так будет всегда и ты все сто раз успеешь... Но всегда ничего не бывает, и как потом понимаешь это, и вспоминаешь, о, как вспоминаешь!..

Она о нем говорила с придыханием. «Гриша!» – произносила она, и было ясно, что выше этого, и объемнее, и важнее нет ничего во всем мире, который без него – пуст...

В нашей стране, думаю, нет никого, кто не знал бы, кто такая Любовь Орлова. В связи с этим именем в нашем сознании сразу начинают мелькать тоже всем известные кадры. Анята с венником верхом на быке – «Веселые ребята»; чечетка на пушке в «Цирке»; танцующая лезгинку Дуня-Стрелка с усами из соломы – «Волга-Волга»; две хохочущие прелестные женщины с одинаковыми лицами – «Весна»; хитроумная Таня Морозова, вся в саже, лихо чистит картошку в ритме марша из «Веселых ребят» – «Светлый путь»; и сно-

ва «Цирк» – красавец Массальский бросает к ногам плачущей Мэри бесконечные шубы и туалеты. И сидит на полу Мэри, вся в слезах, и медленно снимает черный парик со светлых своих волос. В какое-то мгновение она так и замирает: половина головы – белая, половина – черная... Один из уникальных кадров мирового кино, метафора, вызывающая бесконечную цепь философских ассоциаций, размышлений о жизни, где темное и светлое неразрывно, где все едино в контрасте и противоречии.

«Я хотел быть счастливым в СССР, но это невозможно!» – восклицает сквозь слезы неразделенной любви Мэри – Орлова в «Цирке». Мы воспринимаем эту фразу как привычную и безусловную данность, забывая, что она возникла в 1936 году и что ее автор Николай Эрдман был арестован и сослан. Но счастливец и баловень судьбы Александров дал жизнь этим словам, этой крамольной истине, искусно замуфлированной английским акцентом героини.

И не сразу улавливаемая фраза эта, да и не только она, исподволь наполняла все перипетии истории Мэри – Орловой и «Петровича» – Столярова вольным духом, лукаво маскируясь под наивную сентиментальность и легкий юмор.

«Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга». Годы создания этих фильмов вошли в историю страны как самые страшные годы взаимного подозрительного страха и недоверия, губельного морока, уничтожения людей, истребления личности. Фильмы Александрова и Орловой с их звон-

кой жизнерадостностью, заразительным юмором, весельем, блистающие исключительными актерскими индивидуальностями, наперекор всему помогали людям жить, дарили им праздник, давали возможность видеть негаснущий свет жизни. Они были наполнены такой энергией любви, что люди снова ощущали осмысленность жизни, ее горячее дыхание.

Вопреки всему герои этих комедий отважно веселились, плясали, пели и – главное – любили. Это было бегство в праздник и любовь, победное презрение ко всему, что мешало самым естественным человеческим проявлениям и таланту жить. Искрящийся мир этих комедий, накал их победительной жизнерадостной стихии выплескивался силой любви их основных создателей – яркой звезды с ослепительной счастливой улыбкой и блистательного кинофантазера, фильма которого до сих пор не похожи ни на какие другие. Счастье их союза было так безмерно, что его хватало на весь мир.

И – песни Дунаевского. «Любовь нечаянно нагрянет», «Сердце в груди бьется, как птица», «Журчат ручьи» – звенит голос Орловой о жажде счастья вопреки всему, перед которой отступает и страх, и отчаяние. Любовь Орлова стала символом любви и отважной надежды.

«Орлова – символ тоталитарной эпохи», – заявил вдруг один из критиков, и вот уже много лет все в один голос повторяют на все лады эту странную и абсурдную мысль.

«Новая валькирия в белом свитере и крупном перма-

ненте, марширующая под красными знаменами... такой она осталась в памяти нации», – добавляет критик. Да вовсе нет! Она запомнилась в тех любимых кадрах, которые мы только что вспоминали и которые неизменно возникают на телеэкране при любом упоминании об их создателях. Первомайская демонстрация, ударная работа на ткацких станках – что ж, все это было неотъемлемой частью социалистического быта и бытия того времени.

Нет, Александров не создавал фильмов о Сталине, и домашние интерьеры в его комедиях никогда не украшали портреты вождя, что сплошь и рядом можно было видеть в кинолентах той эпохи. И какой там тоталитаризм, когда их посетила такая любовь! И только один-единственный критик – и его фамилию я запомнила – догадался-таки, что «Орлова является первой и почти неповторимой советской звездой, парившей над любой идеологией...

Ее жизнь просто совпала с этим временем. И она подарила этому времени множество общечеловеческих ценностей, которые продолжают существовать и вне советской идеологии, и после крушения советского уклада». Ну наконец-то догадались, подумала я, с удовольствием читая фамилию автора этих строк – Е. Сальникова.

Такой популярности, такой зрительской любви и обожания не знал, вероятно, ни один артист. Газета «Московский комсомолец» в 2000 году опубликовала список личностей, оказавших наибольшее влияние на людей XX столетия. Сре-

ди них была названа и Любовь Орлова.

Любовь Орлова – это имя стало нарицательным обозначением вершины человеческого успеха, любви и славы. Судьбы ее героинь, как и ее собственная судьба, были сказочно уникальными и обнадеживающе достоверными. Ее популярность, повторяю, была просто фантастической, на грани психоза в самом прямом смысле этого слова. Психиатрия 1930–1940-х годов официально зафиксировала психическое заболевание, которое так и было названо – «синдром Орловой».

Мужчины сходили с ума, считая себя возлюбленными и мужьями этой ослепительной женщины. Дамы теряли рассудок, стремясь быть ею, быть как она, и выдавали себя за ее дочерей. Двух таких женщин я знала. Они одолевали Любовь Петровну звонками, караулили под дверью, проводили лето во Внукове в надежде ее увидеть. Любовь Петровна вынуждена была в машине ложиться на пол, чтобы проехать незамеченной. Но они не уставали в своих претензиях и мечтах. Одна из них была явно одарена музыкально и обладала талантом имитатора. Когда не стало Любви Петровны, эта женщина частенько пугала меня по телефону, разговаривая со мной ее голосом, пела мне песни из ее кинофильмов – опять же ее голосом, говорила текстами ее киноролей.

Но это были крайности и казусы той огромной всенародной любви, масштаб которой нам даже трудно теперь представить. Орловой давно уже не было, но малейшее упоминание о ней по радио или телевидению вызывало буквально бу-

рю зрительских откликов и зрительской любви. Ее не собирались забывать. Нескончаемый поток писем продолжал идти на ее адрес, на имя Александрова и после ее ухода. Сотни и сотни писем обрушились на меня после того, как я сделала радиопередачу об Орловой в связи с ее восьмидесятилетием. Вот только некоторые из них:

«Дорогие товарищи!

С огромным волнением прослушала... передачу по радио о любимейшей актрисе Любви Петровне Орловой. Годы моего детства, отрочества и юности совпали с появлением звезды экрана Любви Орловой, которой мы восхищались, ждали кинокартин с ее участием, пели песни ее героинь. Восхищались мы ее голосом, танцами, живостью, мастерством, обаянием, многосторонним талантом, покупали и собирали ее фотографии, которые я храню до сих пор. Десятки раз я смотрела фильмы с ее участием в разном возрасте, и она всегда восхищала меня. Замечательны картины, поставленные режиссером Г. Александровым, прекрасна во всех отношениях Любовь Орлова.

Любовь Орлова с детских лет до пожилого возраста оставалась моим неизменным кумиром, любимейшим, обожаемым. Позже я услышала от одной из ее коллег, что это была не только талантливая актриса, но и прекраснейший человек большой души.

Смерть Л. Орловой была воспринята как большое личное горе... Не хочется писать о ее восьмидесятилетии – для ме-

ня она навсегда осталась вечно молодой, красивой, веселой, жизнерадостной... Да! Это был светлый образ, простой и человечный, прошедший светлый жизненный путь... Это было щедрое сердце, способное на большую любовь...

Как красиво прожита жизнь! Красивые и внешне, и внутренне, талантливые, интеллигентные по-настоящему люди, красивая большая любовь на всю жизнь до старости, как хорошо, что это встречается в жизни!.. Какое счастье, что была Любовь Орлова, счастье, что был и есть Григорий Васильевич Александров!

Мичуринск.

Преподаватель Чернышова Г. Ф.».

И еще:

«Дорогая редакция!

Большая радость переполнила наши сердца от встречи с любимой артисткой Любовью Орловой. Песни из кинофильмов и роли, которые Л. Орлова исполняла, мы сохранили навсегда, они всегда с нами, всегда с волнением смотрим эти фильмы, любовь и уважение пронесли через всю жизнь.

Супруги Бляшенко.

Ветераны войны и труда».

«...Мое увлечение актрисой Л. П. Орловой началось в 10 лет. Сейчас мне 26. Было время, когда в библиотеках искала и читала о ней все, что можно, записывала фильмы на

пленку. И сейчас, затаив дыхание, ловлю ее голос по радио, смотрю кадры из фильмов с ее участием... Для меня Любовь Петровна есть и остается человеческим совершенством.

Она является для меня примером самодисциплины, обаяния, человеческой красоты. В передаче потрясли слова Г. В. Александрова о том, что 42 года совместной жизни были для них 42 годами счастья. У меня молодая семья. Мы с мужем мечтаем через годы пронести и сохранить хрупкое чувство, состариться вместе. А это, несомненно, великий труд души.

Жизнь Любви Петровны и Григория Васильевича остается в этом плане для меня примером.

Вера Уланова.

Институт культуры, г. Челябинск».

«...Я в детстве до войны всегда любила смотреть фильмы с участием Орловой, а их можно было смотреть и взрослым, и детям... Очень благодарна я такой великой артистке за то, что она была, что она оставила после себя такое наследие, о котором можно писать романы, оды, дифирамбы и прочее.

Такие, как Любовь Орлова, бывают раз в столетие. Это была талантливейшая актриса, универсал-актриса. Чего только она не могла?!

Когда шла передача по радио о Любви Орловой, я бросила все, хотя была очень занята, и села у приемника. Перенеслась в далекое детство, и так стало грустно на душе...

Нет больше детства, нет больше Любви Орловой, хотя она будет жить вечно в сердцах живых и будет вечно живой на экранах кинотеатров.

Ступченко Л. Ф., жительница Киева».

«Любовь Орлова – это уникальное явление XX века в артистическом мире нашей страны и за рубежом...

Ветеран войны Зоя Гаврилова».

«...Когда мне было 16–18 лет, я впервые видела на экране Любовь Петровну Орлову, и с тех пор я не пропускаю ни одной кинокартины с ее участием... Я эти кинокартины смотрела по нескольку раз. Я влюблена в эту актрису, она очень красивая и очень милая, и какая-то естественная простота в ней. Когда я узнала, что ее уже нет в живых, я переживала, что больше не увижу фильмы с ее участием. И вот сейчас по телевидению я увидела передачу о Любви Петровне, где ее муж рассказывал о ее жизни, о ее работе... я не могла оторвать глаз от ее фотографий... Сколько она трудилась, это настоящее наслаждение быть рядом с таким человеком... У нее, видимо, замечательный муж, как бережно он хранит воспоминания до мелочей о Любви Петровне... Она была рождена как звезда, лучи которой проникали в людские сердца. Она излучала радость...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.